

К-14038

П309063

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

274'85

К-14038
09063

П309063/244

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ ГЕРМАНСКИХ
И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ДИДАКТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

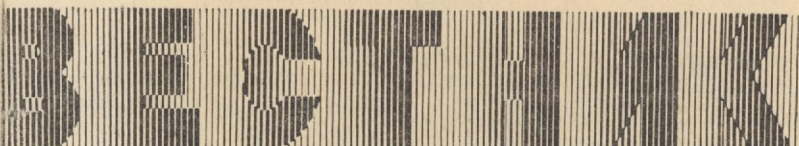
»ВИЩА ШКОЛА«

1 р. 40 к.

Вестн. Харьк. ун-та, 1985, № 274, 1—136.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 274

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ ГЕРМАНСКИХ
И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ДИДАКТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения
«Вища школа»
1985

В вестнике рассматриваются результаты исследований в области стилистики, лексикографии, семантики, грамматики, а также вопросы методики преподавания английского, немецкого и французского языков.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: Ю. Ф. Ещенко (отв. ред.), Н. Я. Шураева (отв. секр.), Н. Н. Анютина, А. С. Калинин, В. И. Каравашкин, В. А. Кухтенко, С. Т. Навальная, Л. Н. Черноватый

Ответственный за выпуск *Н. Я. Шураева*

Печатается по решению ученого совета факультета иностранных языков от 17 декабря 1983 г.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 40-14-04

Редакция гуманитарной литературы

В 4601000000-063
М 226 (04)-85

К-14038

©

Харьковский государственный университет, 1985

Центральная Научная
Библиотека ХДУ

309063

О. П. АНДРЕЕВА

ЯВЛЕНИЕ «СКРЫТОГО» ГИПОСТАЗИСА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исходя из принципа гетерогенности признаков частей речи [1; 5; 6; 8; 9; 13; 14], полагаем, что часть речи представляет собой класс лексем, объединенных определенным набором характеристик. Так, в границах одной части речи существуют субкатегориальные разряды (СР), которые выделяются на основе характеристик, определяющих часть речи в целом [2]. Различие между признаками части речи как класса лексем и признаками СР в границах одной части речи заключается в том, что характеристики разряда являются конкретизацией общих признаков.

Разнородность концепций частей речи не может не отразиться и на внутриразрядных классификациях. Большинство лингвистов, занимающихся данной проблемой, исходит из семантики. Например, подразделение существительных на имена собственные, нарицательные, абстрактные, конкретные, вещественные, собирательные носит по существу семантический характер. В современной германистике некоторые ученые считают основным чисто семантический подход к подобной классификации [15]. Данную классификацию можно использовать при описании семантической системы языка, однако для системного освещения внутренней структуры частей речи она не подходит, так как в этом случае остальные признаки частей речи не учитываются. Прежде всего здесь имеются в виду комбинаторные свойства, грамматические значения, словообразовательные характеристики и особенности синтаксического функционирования.

В советской германистике выделяется примат грамматических признаков внутриразрядного членения. Так, М. Д. Степанова указывает, что «при внутреннем членении частей речи на разряды принимают во внимание грамматические принципы как обязательные» [8]. О. И. Москальская также подчеркивает необходимость «исходить из грамматических принципов членения частей речи на разряды» [17]. Л. С. Бархударов отмечает, что части речи и подразряды внутри тех или иных частей речи «не что иное, как грамматические классы слов» [3].

По нашему мнению, следует учитывать совокупность семантических, морфологических и синтаксических параметров при внутриразрядном членении. М. Д. Степанова, например, классифицирует существительные в современном немецком языке с учетом семантических признаков в их отношении к значениям грамматическим. «Существительное в немецком языке представляет собой семантически крайне сложную, разветвленную систему, — подчеркивает

она, — при этом связанную с четко выраженными морфологическими признаками... Эти семантические разряды существительных всегда связаны с морфологическими признаками, что дает объективную базу для соответствующего членения» [8].

Внутриразрядная классификация включает в качестве составных частей, кроме выделения основных подклассов лексем, следующие малоизученные аспекты: совмещение признаков разных подклассов в границах одной лексемы; переход из одного СР в другой в пределах одной лексемы, т. е. внутрилексемную конверсию («скрытый» гипостазис); установление первичности или вторичности принадлежности к различным СР; узואльное и окказиональное функционирование слова в том или ином подклассе; степень интенсивности перехода слов из одного СР в другой в зависимости от подъязыка.

Исходным материалом для данного исследования явились произведения современных английских и американских писателей (1000 примеров методом сплошной выборки). Анализу подвергался не только текстовый материал, но и явления кодифицированного гипостазиса по данным ряда словарей [4; 10—12; 16]. В процессе исследования применялись семантико-структурное описание, сопоставительный и количественный анализ, метод словарных дефиниций.

Не рассматривая проблемы внутриразрядного членения английского существительного, ограничимся освещением частного случая «скрытого» гипостазиса, т. е. перехода существительного в пределах одной лексемы из СР исчисляемых, образующих оппозицию числа, в разряд неисчисляемых, которые имеют лишь косвенное значение единственного или множественного числа [14]. Переход существительных из одного СР в другой — продуктивное явление, которое не всегда регистрируется словарями. Об этом свидетельствует тот факт, что в 13 % случаев сдвиги по линии «исчисляемость $\rightleftharpoons$ неисчисляемость» не зафиксированы ни одним из привлеченных к анализу словарей. Это, по-видимому, объясняется окказиональным характером примеров:

«Jolly, that's a lot of man in one consignment», — sighed Roxanna (S. Lewis); «There's just too much boy in this house» (F. Twaddell); «But he was not only fickle in his loves» (E. Jenkins); «... during one of these infinite infinities he cried and she drank in two huge drops of very salty tears» (E. O'Brien).

В 10 % случаев толковые и двуязычные словари не указывают на принадлежность вариантов лексемы к двум СР, а некоторые из них вообще не содержат такой информации или же дают ограниченные и недостаточно четкие сведения [4; 10; 11]. Свобода использования подобной внутренней конверсии, т. е. перехода члена единой лексемы из одного СР в другой («скрытый» гипостазис), свидетельствует о теоретической и практической целесообразности данного исследования.

В подавляющем большинстве рассмотренных нами примеров (87,8 %) сдвиг происходит по линии «неисчисляемое $\rightarrow$ исчисля-

емое» (в 12 % случаев такая возможность вообще не зафиксирована словарями, что указывает на ее спонтанный характер). В 7 % случаев изменение происходит по линии «исчисляемость → неисчисляемость», но здесь значительно выше показатель употреблений исчисляемых в качестве неисчисляемых, не зарегистрированных словарями (31 %). На продуктивность данного явления обращает внимание Н. Ф. Иртеньева: «Также актуально образование существительных различных подклассов путем изменения их значения и логико-семантических отношений, которые они выражают, причем формальным признаком каждого подкласса будут не только морфологические изменения, но и изменения в сочетаемости с их «партнерами», т. е. различными детерминативами, главным образом, неопределенным и нулевым артиклями, потому что эти два артикля служат для разграничения подклассов (исчисляемых и неисчисляемых существительных) и передают логико-семантическое отношение дискретности/ недискретности» [7].

В этой связи проанализируем средства, которые используются при осуществлении внутреннего гипостазиса в классе существительного современного английского языка. К ним прежде всего относятся сдвиги в комбинаторике (употребление артикля) и изменение морфологических характеристик. При переходе существительных из разряда неисчисляемых (Н) в исчисляемые (И) наиболее продуктивными оказались морфемы множественного числа. С их помощью существительные этой группы, участвуя в оппозиции числа, переходят таким образом в разряд исчисляемых:

«... whilst the shames of life were measureless» (Th. Hardy); «... James said as he nodded to the waitress for more coffees» (E. O'Brien).

Следующим по продуктивности при изменениях того же рода является использование неопределенного артикля (неопределенного артикля и определения):

«His hair was most striking feature. It was of so clear a gold that it looked metallic» (O. Manning);

«Danby was the sort of man who, if civilization were visibly collapsing in front of him, would cheer up if someone offered him a gin» (I. Murdock).

Менее активно участвует в данном процессе левосторонняя сочетаемость существительных с определением, представленным количественным числительным, местоимением, прилагательным (many, a number of, these, various, two etc.):

«...his eyes two darknesses with points of light» (D. H. Lawrence).

Отсутствие артикля при переходе членов лексемы из разряда исчисляемых в разряд неисчисляемых — наиболее продуктивное средство:

«Susanne has a good mixture of cat in her personality» (O. Green); «Andrew's face looked as if it were made of rotten apple» (T. Hardy).

В подобных примерах нередки случаи такого употребления среди фразеологизмов:

«For one brief instant the battling spirit of the Pilbeams urged him to attack this man with *tooth and claw*» (P. G. Wodehouse); «But dog does not bite dog» (D. Frost, A. Say).

Существительные типа *family, government*, способные переходить из разряда исчисляемых в разряд неисчисляемых, составляют 5,2 %:

«*Government plans for an assembly...*» («Morning Star»); «*Agreement— arrangement or understanding made by two or more persons, groups, governments*» (A. S. Hornby); «*The Government were seated...*» (J. Aldridge).

Отличительной особенностью этих существительных является их функционирование в качестве неисчисляемых со значением множественного числа и имплицитным указанием на отдельные члены данного совокупного множества.

Таким образом, анализ «скрытого» гипостазиса (конверсии) в границах одной части речи, сводимый по существу к внутри-лексемным семантическим и грамматическим сдвигам — сложный процесс, углубленное изучение которого будет способствовать адекватному описанию семантических и грамматических процессов в английском языке.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Строй современного немецкого языка. Л., 1972. 312 с. 2. Андреева О. П. Про «внутришнюю» конверсию в английскій мові. — Вісн. Харк. ун-ту, 1974, № 111. Іноземні мови, вип. 3, с. 77. 3. Бархударов Л. С. К вопросу о грамматических значениях и их передаче при переводе. — Иностр. яз. в шк., 1972, № 3, с. 13—23. 4. Большой англо-русский словарь в 2-х т. /Под общей ред. И. Р. Гальперина. М., 1979. 5. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации. — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968, с. 8—9. 6. Ильиш Б. А. О частях речи в английском языке. — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968, с. 7. 7. Иртеньева Н. Ф. Омонимия функциональных слов. — Иностр. яз. в шк., 1972, № 1, с. 9—18. 8. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978. 259 с. 9. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 188 с. 10. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. N. Y., 1977. 820 p. 11. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*, 6th ed. L., 1976. 1368 p. 12. Hornby A. S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. L., 1978. 1055 p. 13. Ийш В. А. *The Structure of Modern English*. L., 1971. 365 p. 14. Khaimovich B. S., Rogovskaya B. I. *A Course in English Grammar*. M., 1967. 298 p. 15. Leisi E. *Der Wortinhalt Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. Heidelberg, 1961. 132 S. 16. *Longman Dictionary of Contemporary English*. L., 1978. 1303 p. 17. *Moskalskaya O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. M., 1975. 366 S.

Поступила в редколлегию 15.09.81.

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТЕРМИНА DAMPFMASCHINE

Процесс развития терминологии в социальном плане изучен пока еще недостаточно, несмотря на то, что лингвистическая история терминов имеет большое значение для социолингвистики и лингвистической футурологии, а также позволяет подвести солидную базу для прогнозирования в области научно-технической терминологии.

Функциональная сторона отраслевой терминосистемы станкостроения, проявляющаяся в частоте употребления входящих в нее элементов, в синхронном плане уже исследовалась немецкими лингвистами [1], в то время как характер функционирования отдельных терминов в историческом плане еще не нашел должного научного освещения.

Выбрав в качестве предмета исследования термин *Dampfmaschine*, иллюстрирующий процесс миграции терминологии внутри лексико-семантической системы немецкого языка, проанализируем характер его функционирования на разных временных срезах, т. е. покажем, как изменяется под влиянием экстралингвистических факторов частота употребления данного термина в немецкой отраслевой терминосистеме станкостроения.

Изменение частоты употребления этого термина рассмотрим с помощью метода выборки. Из немецкой технической периодики, связанной со станкостроением, отберем 100 тематически однородных выборок объемом около 10 тыс. печатных знаков каждая. Если в анализируемой периодике не имеется статьи соответствующего объема, то в одну выборку объединим несколько более мелких по размеру статей. Выборки будем делать с интервалом в 20 лет, однако на последнем этапе временной интервал составит 40 лет (каждый временной интервал включает 20 выборок).

В каждой выборке будем фиксировать частоту употребления изучаемого термина. Анализ фактического материала показывает, что частота употребления термина за последние сто лет постепенно убывала и в 1970 г. приблизилась к нулю. Высокая частота употребления термина в конце прошлого века, вероятно, предопределялась тематикой отобранных для анализа статей и была связана с некоторой долей случайности. С этой целью рассмотрим характер распределения термина во всех выборках. С такой характеристикой термина, как частотность, непосредственно связано распределение частотности, изучаемое нами с помощью показателя «относительное вхождение» [2, с. 88]. Хотя обе характеристики термина вполне самостоятельны, но в выборках, посвященных специальным вопросам станкостроения, наглядно прослеживается следующая тенденция: вместе с уменьшением частоты употребления постепенно убывает равномерность распределения (ср.: в 1870 г. — 0,65; в 1890 г. — 0,5; в 1910 г. — 0,15 и т. д.).

Это объясняется тем, что паровой двигатель был первым механическим приводом станка и поэтому термин *Dampfmaschine* представлял собой важный структурный элемент терминосистемы станкостроения. Все этапы развития паровой машины нашли отражение в устаревших терминологических единицах, предшествовавших становлению термина *Dampfmaschine*, напр.: *Luftpumpe* (1650, Герике), *Pulvermaschine* (1680, Гюйгенс), *Feurmaschine* (1698, Ньюкомен). Первая паровая машина («огненная» или «огнедействующая») попала в Германию из Англии. С появлением в 1715 г. в Германии английской паровой машины в немецком языке возникла калька *Feuermaschine* от английского названия *fire engine*. К середине XVIII в. в Англии прежнее название *fire engine* было вытеснено термином *steam engine*. С этого времени данный термин употребляется для обозначения всех конструкций паровых машин, в том числе и для запатентованной в 1769 г. Дж. Уаттом принципиально новой конструкции паровой машины.

Чтобы избежать утечки научно-технической информации, в Англии в 1785 г. был принят закон о запрете вывоза машины на континент. Поэтому немецкие механики в этот период сами начали строить паровые двигатели по образцу английских, давая им немецкие названия. Влияние Англии на развитие немецкой станкостроительной терминологии выражается, главным образом, в калькировании английских терминов и словосочетаний терминологического характера.

Так, в Германии термин *Dampfmaschine* появился, вероятно, в 1782 г., когда решался вопрос о целесообразности применения паровой машины в горной промышленности. Однако только к 1785 г. неологизм *Dampfmaschine* вытеснил старую кальку, когда была введена в эксплуатацию первая паровая машина.

С 1819 г. немецкие фирмы начали регулярно выпускать паровые машины, и с этого времени термин приобрел всеобщую известность [31]. Тем не менее данный термин некоторое время существовал с прямым заимствованием из английского языка *steam engine*, объясняя значение нового термина. В зависимости от вида топлива паровые машины даже в конце прошлого века назывались *Holzbrenner* и *Kohlenbrenner*, но менее чем за столетие они исчезли из употребления. Это было связано с тем, что почти каждое новое изобретение или открытие одновременно получало несколько наименований, из которых в результате селекции закреплялось одно. Группа выразителей определенного понятия со временем заменялась термином, совместившим в себе признаки прежних структурных элементов и более полно отвечавшим семантико-формальному принципу организации терминологии.

В конце 80-х годов XIX в. революционизирующее влияние на развитие станкостроения оказала замена парового двигателя электрическим. С появлением в Германии токарного станка с электрическим приводом начинается новая эпоха в истории станкостроения, обусловившая значительные структурные сдвиги в отраслевой

терминосистеме станкостроения и изменившая частоту употребления термина *Dampfmaschine*. Наиболее резкое уменьшение частоты его употребления в публикациях по станкостроению происходит в период (1870—1910 гг.) завершения перехода от парового к электрическому приводу станка. Изобретение Э. Сименсом динамомшины, передача энергии на расстояние, создание электродвигателя выступили в роли экстралингвистического фактора, который сузил круг применения не одного термина, а целого лексического пласта, относящегося к специальной лексике в области теплоэнергетики. Появление электродвигателя обусловило возникновение нового пласта электро-технической терминологии, интегрирующей со специальной лексикой металлообработки. Наряду с выделением из последней одного пласта терминологии происходит диффузия другого, что вызывает постоянное количественное и качественное обновление старой терминосистемы за счет новых элементов.

Подобно тому, как каждое новое изобретение сменяет старое, так один технический неологизм замещает другой. Каждый новый пласт технических неологизмов способствует отслоению структурных элементов, отражающих жизнь денотата, сфера применения которого была ограничена вновь созданным изобретением. Наряду со «спадом» одного терминологического пласта начинается медленное зарождение, а затем резкий подъем терминологии, отражающей другое открытие, т. е. развитие одного пласта и отпластование другого происходит волнообразно с последовательным чередованием периодов подъема и спада.

Частота употребления анализируемого термина на разных исторических этапах колеблется в зависимости от степени известности и важности в научно-техническом отношении обозначаемого предмета внеязыковой действительности: возрастая с повышением к нему интереса со стороны специалистов народного хозяйства или падая вместе с потерей термином коннотации новизны.

Изменение частоты употребления термина *Dampfmaschine* в отраслевой подсистеме станкостроения происходило в регрессивном направлении, но по отношению к научно-техническому подязыку такое заключение было бы преждевременным. Вероятно, влияние научно-технического прогресса обусловит миграцию этого термина в другую отраслевую терминосистему, сопровождаясь ростом частоты употребления в новых для термина языковых условиях.

Таким образом, изучение динамики развития термина *Dampfmaschine* предполагает исследование на уровне не одного термина, а отраслевых подсистем с привлечением эмпирического материала за 200—250 лет, что откроет широкую перспективу для анализа общей закономерности развития отдельных терминосистем. Большой интерес приобретает лингво-статистический анализ терминологии в типологическом плане для решения возникшей проблемы прогнозирования в области научно-технической терминологии на более надежной основе.

Список литературы: 1. Schwabe F. Der Wortschatz des Werkzeugmaschinenbaus. Leipzig, 1969. 370 S. 2. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967. 430 с. 3. Der Maschinenbauer, 1878, 13, Jg., S. 342.

Поступила в редколлегию 24.10.83.

О. И. ДЕНИСОВ

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ АНГЛИЙСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Рассмотрим некоторые особенности функционирования свободных атрибутивных словосочетаний нефразеологического характера структурной модели $Adj_1 Adj_2 N$ (the white Georgian house, large brown eyes). Препозитивные прилагательные не разделяются здесь знаками препинания (паузами в речи) или союзами, порядок их следования устойчив и не может быть произвольно изменен, как это отмечается в атрибутивных группах типа the attractive, small, underpowered car — the underpowered, small, attractive car.

Представители трансформационно-генеративной грамматики пытаются, например, установить зависимость между формально-семантическими классами, определяющими порядок следования прилагательных, и трансформационными операциями. Так, З. Вендлер [9] выделяет девять основных классов прилагательных, различающихся своими трансформационными моделями. Один из таких классов автор разделяет на подклассы в соответствии с деривационным происхождением его членов. Автор также утверждает, что в многокомпонентной жесткой атрибутивной группе прилагательные занимают места соответственно порядковому номеру класса, к которому они относятся, т. е. от A_1 до A_9 , а в пределах A_1 — от A_a до A_x , напр.: small₂, strong_m, oval_g door.

Логико-психологический подход к данной проблеме выдвигает различные критерии, определяющие место атрибута в препозитивной группе: степень объективности [1], определенности [10], абсолютности [6], конкретности [3]. Каждый подход, несомненно, объясняет в определенной мере порядок следования прилагательных в жесткой препозитивной группе, но ни один из них не может быть признан исчерпывающим. По нашему мнению, при изучении порядка следования прилагательных в жестких препозитивных атрибутивных словосочетаниях структурной модели $Adj_1 Adj_2 N$ следует применять комбинированный, функционально-семантический подход, а отношения между компонентами словосочетания рассматривать не только в семантическом плане, но и с позиций прагматики. Под прагматикой понимается дисциплина, предметом которой является связный и достаточно длинный текст в его динамике — дискурс, соотношенный с главным субъектом, с «„Эго“ всего текста, с творящим текст человеком» [2, с. 332]. Прагматический подход увеличивает возможность более точного выяснения как причин и условий семантического варьирования в словосочетании, так и спо-

собов эмфатического или логического выделения определенного признака. Очевидно, эти причины могут быть найдены при учете общего свойства языка, «пронизывающего все его стороны, — его субъективности, и центра субъективности языка — категории субъекта», которая признается центральной категорией современной прагматики [2, с. 326].

Изучение словосочетаний в прагматическом аспекте, как следует из определения Ю. С. Степанова, означает обязательное рассмотрение семантики и функционирования всего словосочетания в тексте. Цель проведенного нами анализа — показать, как синтаксическая модель $Adj_1 Adj_2 N$ может реально функционировать в определенных условиях речевой коммуникации.

Дж. Тесьер отмечает, например, три номинативные функции, которые выполняют английские прилагательные: идентификация — (the) same; характеристика — handsome; классификация — English (person) [8]. Прилагательное, выполняющее идентифицирующую функцию, тесно связано с детерминатом и дает контрастное определение существительному: same (not another), right (not left), first (not second). Количество таких прилагательных ограничено, и их основная цель — указать на объект действительности, демонстрируя его «определенность». В случае классификации прилагательное категоризирует существительное, т. е. относит данный объект к классу подобных объектов действительности, подчеркивая его ингерентную «неопределенность». Прилагательное в функции характеристики описывает следующий далее объект, т. е. «чистый определитель» [8, с. 229], указывающий на какой-либо специфический признак. Предмет нашего исследования — двухкомпонентные жесткие адъективные группы, в которых прилагательные выполняют характеризующую и классифицирующую функции.

Как правило, субъективный или абстрактный признак помещают ранее признака, имеющего более объективную природу [1, с. 203; 3, с. 10]. Соответственно, прилагательные, выражающие признаки более объективной природы, категоризируют существительное и выполняют классифицирующую функцию, а субъективной — характеризующую, напр.: Her pencil travelled down the paper making *brief cryptic* notes (A. Christie). It was a pleasant damp evening (F. O'Connor).

Однако в процессе коммуникации номинатор может преследовать и другие цели, кроме передачи знаний о наблюдаемой действительности. Тогда порядок следования прилагательных в двухкомпонентной группе не будет зависеть от семантических критериев. Ср.: (1) Mrs. Dalloway ... looked out with her *little pink* face in enquiry (V. Woolf); (2) When he went into the cafe he ... raised the right flap up over his *pink little* ear (C. Mc Cullers).

В обоих случаях мы имеем дело с семантически идентичными прилагательными, обозначающими цвет и размер. Согласно классификации З. Вендлера *pink* должно находиться ближе к существительному [9, с. 128]. Это положение подтверждается и другими исследо-

вателями [8, с. 229; 9, с. 19]. Необходимо выяснить причину того, почему прилагательное цвета занимает в предложении (2) непривычное место.

Рассмотрим прилагательные в словосочетаниях (1) и (2) с точки зрения номинативных функций, которые они выполняют. В словосочетании (1) *little* выполняет характеризующую функцию, *pink* — классифицирующую. Оба прилагательных получают одинаковую эмфатическую нагрузку с незначительным акцентом на «размер» розового лица. Во втором словосочетании *pink* выполняет характеризующую функцию и несет основную эмфатическую нагрузку, т. е. номинатор «сознательно» нейтрализует обычную расстановку акцентов в словосочетании, выделяя цветовой признак. Он достигает цели путем изменения функций, выполняемых прилагательными.

Следующие примеры позволяют проиллюстрировать еще одну особенность подобных словосочетаний: (3) ... the staff room appeared crowded to Anna's timid eyes ... Miss Enderby bore down upon her and took her to the *large central table* (Miss Read).

Словосочетание *the large central table* означает в данном тексте, что в центре (учительской) находился большой стол. Прилагательное *large* выполняет классифицирующую функцию, т. е. категоризирует объект *table* и относит данный объект к классу подобных объектов. Прилагательное *large* выступает в характеризующей функции, т. е. указывает на специфический признак данного объекта. Если эти два прилагательных поменяются местами (*the central large table*), то можно отметить некоторое изменение смысла всего словосочетания. К предыдущему значению (большой стол в центре) добавится сема «один из больших столов» или «большой, а не маленький стол».

Аналогично обстоят дела в соотнесенных парах типа: (4a) *the young English driver* — (4б) *the English young driver*; (5a) *the white French wine* — (5б) *the French white wine*. Словосочетание (4a) сообщает, что английский водитель молод; словосочетание (4б) указывает на то, что имеется в виду молодой водитель, англичанин по национальности. Адъективное словосочетание (5a) означает, что речь идет о белом (не красном) французском вине, тогда как в словосочетании (5б) делается акцент на то, что белое вино французское (а не испанское). С изменением функций, выполняемых прилагательными *young* и *English*, а также *white* и *French*, наблюдается изменение семантики всего словосочетания. «Совокупная семантика словосочетания определяется не только лексическим наполнением, но и той прагматической установкой, которая задается говорящим/пишущим в ходе речевой деятельности» [4, с. 237].

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что семантический механизм, влияющий на порядок следования прилагательных в жестких препозитивных адъективных словосочетаниях, зависит от функций, которые выполняют эти прилагательные. В определенных условиях речевой коммуникации семан-

тика, логический или эмфатический рисунок лексически одинаковых словосочетаний могут «подгоняться» к потребностям говорящего/пишущего субъекта и условиям коммуникации в целом.

Список литературы: 1. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. 285 с. 2. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта). — Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка, 1981, 40, № 4, с. 325—332. 3. Фролов А. С. Сочетаемость относительных прилагательных в современном английском языке. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 20 с. 4. Якушева И. В. Прагматические аспекты семантического варьирования в атрибутивных словосочетаниях. — Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1982, № 188, с. 226—237. 5. Хорбни А. С. Конструкции и обороты современного английского языка. М., 1960. 336 с. 6. Danks J. H., Glucksberg S. Psychological scaling of adjective orders. — JVLVB, 1974, N 10, p. 63—67. 7. Swan M. Practical English Usage. M., 1984. 552 p. 8. Teyssier J. Notes on the syntax of the Adjective in Modern English. — Lingua, 1968, 20, N 3, p. 225—249. 9. Vendler Z. Adjectives and nominalizations. Hague, 1968. 136 p. 10. Ziff P. Semantic analysis. N. Y., 1960. 242 p.

Поступила в редколлегию 20.10.83.

П. В. ДЖАНДОЕВА

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И ПРИЧИННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПОДЪЯЗЫКА ЭЛЕКТРОНИКИ

На основе подъязыка электроники определим тенденции возникновения и становления полисемантических терминов. Современный уровень развития науки и техники обуславливает массовое появление новых терминов в таком темпе, что их утверждение, уточнение, обзор нормативными органами отстает, как минимум, на 5—10 лет. В связи с этим наблюдаются некоторые расхождения между словарными статьями и реальным употреблением определенных терминов. Поскольку словарный фонд отражает относительно устоявшуюся терминологию, в качестве исходного материала для нашего исследования используем однословные многозначные имена существительные, отобранные методом сплошной выборки из «Частотного французско-русского словаря-минимума по электронике» [1]. В дальнейшей работе собранный материал скорректируем по толковым франко-французским, французско-русским и многоязычным отраслевым словарям. Для подтверждения наличия полисемии термина необходима обязательная ее фиксация двумя различными словарями. Кроме того, число значений многозначных терминов установим по специальным словарям-справочникам по электронике. В результате подсчета и корректировки было установлено, что частотный словарь, содержащий 3409 слов, включает 1932 имени существительных, из них полисемантическими являются 771 слово, т. е. около 40 %. Под многозначностью мы понимаем способность одного языкового знака иметь несколько значений, отражающих различные понятия в пределах определенной терминосистемы при сохранении общего семантического компонента [4, с. 12].

Исследование односложных имен существительных показало, что объединение значений многозначных слов в семантический ряд происходит на основе существующих между ними определенных отношений. Мы разделяем точку зрения лингвистов, которые разграничивают полисемию как исторический процесс сложения значений в слове и полисемию как явление, отражающее диахронические процессы номинации и возникновения у слова нового значения. Изучение терминологии подъязыка электроники показало, что лексико-семантические транспозиции присущи как истории языка, так и организации его синхронической системы. Метонимические, метафорические и функциональные отношения характеризуют связи не только между последовательными изменениями значений, но и способствуют уяснению семантических структур слов современного языка.

Образование некоторых терминов данного подъязыка объясняется метафорическим использованием общеупотребительных слов. Именно путем метафорического переноса на основе сходства между предметами или явлениями в терминосистему электроники вошли, например, такие термины: *boucle* (m) — 1) петля; 2) цикл (программы вычисления); *caractère* (m) — 1) знак; 2) кодовая комбинация; *file* (f) — 1) ряд; 2) очередь (в системах массового обслуживания) и др. В приведенных примерах перенос наименования произошел на основе сходства формы предметов или в результате возникновения сходных образных ассоциаций, признанных наиболее существенными в момент номинации нового предмета или явления.

В терминосистеме электроники существует довольно большая группа терминов, образованных путем метафорического переноса, происходящего по модели «имя деятеля/механизм или предмет», описанной Н. М. Штейнберг [6, с. 37—49]. К подобным терминам относятся *calculateur* (m) — 1) расчетчик; 2) счетно-вычислительная машина; *correcteur* (m) — 1) корректор; 2) корректирующее устройство и др. При этом названия некоторых механизмов образуются, минуя стадию «живого деятеля»: *atténuateur* (m), *compensateur* (m), *démodulateur* (m). Возможной причиной полисемии приведенных терминов является также многозначность суффикса *-eur (-ateur)*, служащего для обозначения механизма (устройства) и обслуживающего его лица. Исследование терминологии данного подъязыка показало, что особой многозначностью отличаются также следующие суффиксы: *-ité (-eté)* служит для обозначения свойства и его качественного показателя, напр.: *sensibilité* (f) — 1) чувствительность; 2) точность прибора; *-ance (-ence)* указывает на физическое явление и соответствующее устройство или связанное с ним свойство: *inductance* (f) — 1) индуктивность; 2) катушка индуктивности; 3) индуктивное сопротивление; суффикс *-age* служит для обозначения процесса и средства его осуществления: *blindage* (m) — 1) экранирование; 2) экран, а также результат или следствие процесса; *brouillage* (m) — 1) глушение; 2) радиопомехи; *-ure* используется для обозначения процесса и материала: *soudure* (f) — 1) пайание;

2) сварка; 3) припой. Значительное количество терминов данного подъязыка образовано с помощью многозначных суффиксов **-tion**, **-ment**, обозначающих в данной терминологии самые разнообразные отношения, процесс/его результат или следствие: *fluctuation* (f) — 1) флуктуация; 2) колебание (электронов); *développement* (m) — 1) разложение (в ряд); 2) ряд; процесс/средство его осуществления: *localisation* (f) — 1) пеленгация; 2) пеленг; 3) радиолокационная техника; процесс/его свойство: *flexion* (f) — 1) изгиб; 2) изгибание; *éclairage* (m) — 1) освещение; 2) освещенность. Кроме того, суффикс **-tion** обозначает процесс/источник его осуществления: *alimentation* (f) — 1) питание; 2) источник питания; процесс/качество его осуществления: *audition* (f) — 1) прием; 2) слышимость; процесс/группу лиц, обеспечивающих его осуществление: *administration* (f) — 1) управление; 2) администрация. Суффикс **-ment**, помимо указанных отношений, употребляется для обозначения процесса/отдельного акта: *actionnement* (m) — 1) воздействие; 2) срабатывание.

Перенос значения слова по сходству функций в терминологии подъязыка электроники можно считать довольно частым явлением лексической полисемии. Сходством по функции объясняется связь между значениями таких многозначных терминов: *dipôle* (m) — 1) двухполюсник; 2) бивибратор; 3) диполь; *émetteur* (m) — 1) передатчик; 2) эмиттер; 3) излучатель; *relais* (m) — 1) реле; 2) промежуточная станция; *trappe* (f) — 1) отсасывающий контур; 2) ловушка и др. Однако в смысловой структуре терминов подъязыка электроники наиболее широко представлены метонимические связи. На синхронном срезе исследуемого подъязыка выделяются термины, которые характеризуются повторяющимися связями их значений. Нами были отмечены следующие типы регулярной лексической полисемии: 1. процесс/его результат или следствие: *enregistrement* (m) — 1) запись; 2) записанная информация; 2. процесс/источник или средство его осуществления: *test* (m) — 1) испытание; 2) тест—программа; 3. процесс/ место его осуществления: *fuite* (f) — 1) утечка; 2) место утечки; 4. процесс/объект воздействия: *égreuve* (f) — 1) испытание; 2) проба; 5. процесс/материал для его осуществления: *fritte* (f) — 1) приготовление фритты; 2) фритта; 6. процесс/параметры процесса: *gain* (m) — 1) усиление; коэффициент усиления; 7. процесс/качество его осуществления: *définition* (f) — 1) разрешение; 2) четкость; 8. процесс/отдельный акт: *fonctionnement* (m) — 1) работа; 2) срабатывание; 9. процесс/состояние: *blocage* (m) — 1) блокировка; 2) запираение; 3) остановка; 10. процесс/группа лиц, обеспечивающих его осуществление: *direction* (f) — 1) управление; 2) дирекция; 11. целое/его часть: *aérien* (m) — 1) антенна; 2) антенная решетка; 12. предмет/результат его воздействия: *synchro* (m) — 1) сельсин; 2) синхросигнал; 13. материал/предмет, связанный с ним: *carbone* (m) — 1) углерод; 2) угольный электрод; 14. предмет/объект его воздействия: *objectif* (m) — 1) объектив; 2) объект, цель; 15. предмет/содержа-

щееся в нем вещество: néon (m) — 1) неоновая лампа; 2) неон; 16. предмет/единица измерения: doigt (m) — 1) палец; 2) рычаг; 3) стрелка; 4) кулак; 5) дюйм; 17. механическая деталь устройства/деталь электронного устройства: dent (f) — 1) зубец; 2) полюс; 3) сигнал; 18. параметр/связанный с ним предмет, процесс (величина): multiplicateur (m) — 1) умножитель; 2) блок перемножения; 19. устройство/математическая модель: discriminateur (m) — 1) дискриминатор; 2) дискриминантная функция; 20. явление/свойство, связанное с ним: luminescence (f) — 1) люминесценция; 2) свечение; 21. явление/предмет, с помощью которого его обнаруживают: brouilleur (m) — 1) помеха; 2) передатчик помех; 22. явление природы/предмет (явление) электроники: onde (f) — 1) волна; 2) форма сигнала; 2) колебание.

Из приведенных примеров видно, что в терминологии подязыка электроники широко представлена категориальная многозначность. По утверждению Д. С. Лотте, содержание понятия складывается из признаков, одновременно принадлежащих нескольким категориям, «...весьма часто даже для устанавливаемого термина фиксируются значения в двух-трех категориях» [2, с. 40].

Перенос значения по сходству, по смежности (по функции) обычно лежит в основе расширения и специализации общеупотребительных слов, наблюдаемых в подязыке электроники. Примерами специализации слов в данной терминологии являются такие термины: branche (f), mot (m), galette (f), instruction (f), jet (m) и др.

Расширение значения термина в данном подязыке наблюдается несколько реже, чем специализация, что является следствием постепенного углубления знания предмета. В результате слово начинает обозначать понятие более общее, расширяя свое значение, напр.: alternat (m), incandescence (f), inductance (f), rebondissement (m) и др.

Кроме того, в исследуемой терминологии часто отмечается неоднократное переосмысление языкового знака, когда термин заимствуется не из общеупотребительной лексики непосредственно, а из уже сложившихся терминосистем, где он обозначает специальное понятие. К таким терминам относятся, напр.: rompre (f), freinage (m), jauger (f).

Следовательно, причинность и развитие лексической полисемии можно объяснить не ограниченными ресурсами естественного языка и человеческой памяти, а «объективным сходством предметов и явлений внешнего мира, находящих одинаковое наименование в языке, и стремлением человеческого мышления к отражению объективной действительности, в том числе, разумеется, и этого сходства» [5, с. 161]. Необходимость номинации новых объектов или понятий «имеет следствием не только и не столько увеличение объема лексики, сколько усложнение высказывания» [3].

Нам представляется, что использование для номинации нового понятия или объекта уже существующего языкового знака имеет не только недостатки, но и определенное преимущество. Так, в

большинстве случаев обозначаемый объект становится понятным без обращения к его толкованию, что экономит время, усилия и в значительной степени способствует пробуждению творческой мысли на совершение новых открытий в определенной области и на стыке самых отдаленных областей. Именно в этом проявляется действие принципа экономии языкового знака, когда минимальное количество лексических единиц, обладая максимальными комбинаторными возможностями, способно передать максимальное количество информации при минимальной затрате языковых средств. Поэтому считаем целесообразным направить усилия не на доказательство того, какой должна быть идеально созданная терминологическая система, а на возможность закрепления типичных моделей образования терминов за определенным типом значений внутри отдельных категорий и следовать им при необходимости номинации новых объектов или понятий.

Список литературы: 1. Кочеткова В. К. Частотный французско-русский словарь-минимум по электронике. М., 1975. 158 с. 2. Лотте Д. С. Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968. 75 с. 3. Мартин А. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике, т. 3. М., 1963, с. 532—533. 4. Никифорова В. Е. Семантические аспекты терминологии (на материале французских терминов общего машиностроения). — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 27 с. 5. Тышлер И. С. О проблеме причинности лексической полисемии слова. — В кн.: Язык и общество, 1970, вып. 2, с. 156—162. 6. Штейнберг Н. М. Аффикальное словообразование во французском языке. Л., 1976. 204 с.

Поступила в редакцию 13.10.83.

В. А. ДМИТРЕНКО

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о сложном предложении в языкознании не имеет пока однозначного решения. Существуют две основные концепции понимания природы сложного предложения: 1) «сцепление» или «сочетание» предложений [6, с. 49]; 2) единое предложение («сложное целое»), части которого не имеют смысловой и интонационной завершенности.

Части сложного предложения традиционно рассматриваются некоторыми учеными как предложения. Однако мы придерживаемся иной точки зрения, так как сложное предложение, будучи единым целым, не может распадаться на отдельные предложения. Например, придаточное предложение нельзя считать предложением уже хотя бы потому, что оно лишено самостоятельной коммуникативной значимости и зависимо от главного предложения. В процессе речевой коммуникации оно используется лишь в качестве составляющей синтаксической единицы — сложного предложения. Даже части сложносочиненного предложения неадекватны как единицы общения.

Очень часто их взаимосвязь проявляется в семантических причинно-следственных отношениях, определенной временной организации и т. д. Подобно тому как слово не сводится к конструкции из отдельных морфем, так и сложное предложение не является суммой отдельных простых предложений. Оно представляет собой сложную единую коммуникативно-предикативную единицу. В логике и языкознании принято сопоставлять предложение с суждением, так как суждение всегда выражается предложением. «Одно предложение как грамматическое целое, как мельчайшая единица общения,— пишет Л. Л. Иофик,— нечленимая далее на единицы с теми же признаками и функциями, не состоит из двух или нескольких предложений, так как предложение состоит не из предложений, а из членов предложения» [3, с. 34]. Мы согласны с утверждением Н. С. Поспелова, что принимая части сложного предложения за предложения, мы нарушаем положение марксистско-ленинской диалектики о связанности фактов или явлений в единое целое [5].

Трудность в определении сложного предложения состоит в том, что его нельзя получить на уровне синтаксиса, поскольку кроме синтаксического членения на субъект и предикат существует актуальное членение на логический субъект и логический предикат. Следовательно, определение формы предложения выдвигает в качестве одного из ее признаков относительную законченность мысли и характеризуется предикативностью. Предложение рассматривается как такая языковая единица, которая непосредственно включается в процессы коммуникации и мышления, т. е. определяется на основе его грамматических признаков и коммуникативного содержания.

При изучении сложного предложения не решен вопрос первостепенности его аспектов (структурный или смысловой), а также связанные с ними понятия предикативной и коммуникативной единицы. В. А. Белошапкина считает, что сложное предложение — полипредикативная единица с точки зрения структуры, а в смысловом плане представляет собой единое предложение, части которого не являются предложениями, так как не выступают в качестве самостоятельной единицы общения [1, с. 171]. Она также отмечает, что «у сложного предложения есть и специфические особенности актуального членения» и изучение этого аспекта синтаксиса «настоятельно диктуется современным пониманием задач синтаксической науки» [2, с. 23, 158]. Возникает вопрос, связанный с актуальным членением сложного предложения: совпадают ли тема и рема простого предложения с конструкциями сложного предложения? Попытки решения данной проблемы привели некоторых исследователей к идее многоярусности актуального членения, связанной с многоярусностью предикативных конструкций в пределах сложного предложения.

Большинство лингвистов считает, что конструктивная функция членов предложения должна рассматриваться в качестве первичной. Однако В. Н. Ярцева указывает: «Целесообразность выбора той или

иной грамматической модели определяется характером коммуникативного задания, с одной стороны, и потенциальными возможностями данной грамматической модели, с другой... Расширение информации ... может привести к изменению синтаксической модели, если она оказывается недостаточно емкой для передачи коммуникативного задания» [7, с. 165]. Таким образом, первичной функцией сложного предложения необходимо считать коммуникативную, определяющую выбор модели предложения, установившейся в историческом развитии данного языка. Язык невозможно представить без предложений, иначе он не был бы средством общения. Коммуникативная функция языка настолько сильна, что предложением может стать даже одна буква: «What comes after «r» in the word *brush*?» — «U». Сложное предложение состоит из частей, но одновременно это не простое суммирование, так как «здесь возникает новое высказывание» [5, с. 337].

Значительный интерес представляет концепция сложного предложения как синтаксического единства, выдвинутая Л. Л. Иофик. Она установила четыре типа связи предикативных единиц — сочинение, относительное присоединение, подчинение и присоединение. В качестве дихотомии она выделяет монопредикативность и полипредикативность в отличие от традиционной трихотомии (простое, сложносочиненное и сложноподчиненное предложения), не признавая существования сложносочиненного предложения в английском языке и считая сложносочиненное предложение в традиционной грамматике как единство пунктуационное, а не синтаксическое. Проанализировав все средства связи между относительно самостоятельными предложениями и частями сложносочиненного предложения (сочинительные союзы, анафорические местоимения, наречия, союзные слова типа «however», интонацию и т. п.), Л. Л. Иофик не находит между ними разницы, независимо от письменного оформления [3]. С этим утверждением трудно согласиться, так как в английском языке все сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные, причем в иерархической структуре языка сложносочиненное предложение занимает промежуточное положение между сложноподчиненным и цепочкой простых предложений, разделенных между собой точкой. Кроме того, современная синтаксическая теория, признающая сложносочиненное предложение как реально существующую единицу грамматики языка, определяет функционирование такого типа предложений в качестве одной коммуникативной единицы при одновременной коммуникативной несамостоятельности его компонентов.

Таким образом, в развитии сложного предложения наблюдается стремление к уменьшению их средней длины за счет сокращения употребительности в текстах различной стилиевой принадлежности (особенно в диалогических), а также сокращения количества предикативных единиц в составе самого сложного предложения. Намечается также направление к созданию в предложении семантически важного комплекса с неполной предикацией. Большое внимание

уделяется и исследованию смысловой стороны предложения. Так, в изданном АН СССР своде направлений эта проблема обосновывается следующим образом: «Наряду со структурным описанием различных уровней языка выдвигается задача исследования лингвистической семантики. Результаты семантических исследований найдут непосредственное применение как в прикладных областях, так и в рассмотрении проблем взаимоотношения языка с мышлением, культурой и общественным прогрессом» [4, с. 354].

Список литературы: 1. Белошапкова В. А. Построение раздела «Синтаксис сложного предложения». — В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, с. 171—211. 2. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967. 160 с. 3. Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968. 214 с. 4. Основные направления развития естественных и общественных наук на 1976—80 гг. М., 1975. 360 с. 5. Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. 413 с. 6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. 620 с. 7. Ярцева В. И. Пределы развертывания синтаксических структур в связи с объемом информации. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 165—180.

Поступила в редколлегия 04.10.83.

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕЧЕВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ИХ УЧЕТ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

«В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, и что каждый человек обладает своим языком» [4, с. 77]. Эти слова В. Гумбольдта были забыты лингвистами соссюрианской школы, и в течение длительного времени социальная природа языка представлялась в искаженном виде: язык рассматривался как нечто, существующее вне индивидов, как «вещь в себе» [4, с. 359]. Только сравнительно недавно в лингвистике созрело убеждение в том, что саморазвитие языка является только кажущимся [8, с. 27].

Социолингвистами установлено, что употребление многих так называемых свободных вариантов строго обусловлено внешними по отношению к языку факторами. Так, ученые выделяют межличностные вариации, связанные с полом, возрастом, географическим и социальным происхождением говорящего, а также внутриличностные (стилистические), зависящие от официальности/неофициальности ситуации [2]. Когда варьирование форм нельзя объяснить внутриязыковыми и внешнеязыковыми факторами, можно говорить о свободных вариантах. Последние играют важную роль в языковых изменениях, ибо язык не терпит сосуществования раз-

нооформленных единиц с тождественной семантикой и функциями (ср. тенденцию к вытеснению в форме будущего времени элемента *shall* элементом *will* не только в АЕ, но и в ВЕ) [3].

В практических грамматиках почти не уделяется внимания языковым вариациям, так как считается методологически неправильным давать в них вариантные формы. Действительно, включение «межличностных вариаций», т. е. диалектных, в практический курс английской грамматики было бы излишним, так как большинство таких вариантов находится за пределами литературной нормы. Поэтому, вероятно, не следует настаивать на включении в практические курсы «личностных вариаций».

Рассмотрим данный вопрос в следующем аспекте. Так, студент (учащийся) узнает из практического курса грамматики, что повелительная форма глагола в английском языке (как и в русском) употребляется для выражения приказаний, просьб и т. д. Лишь из немногих доступных студентам пособий (например, справочник Р. Клоуза [5]) можно узнать, что кроме формы повелительного наклонения для выражения просьб и т. п. употребляются также построения, напоминающие по форме вопросы. Деление побудительных высказываний по признаку «вежливое»/«грубое» проводит малодоступная коммуникативная грамматика английского языка Дж. Лича и И. Свартвика [14]. Почти во всех современных грамматиках английского языка отсутствуют указания относительно правил речевого поведения, детерминируемых возрастом и полом коммуникантов, а также их статусом и социальными ролями. Поясним, что в ситуациях «друг—друг», «коллега—коллега», «начальник—подчиненный» коммуниканты изберут неофициальный стиль (регистр) для первой и официальный для третьей, так как выбор регистра во второй и третьей ситуациях определяется еще и характером отношений между общающимися лицами.

Введение термина «регистр» помогает отличать ситуативные стили от функциональных. Регистры определяются как разновидности языка, различающиеся на основе их употребления. Главными критериями регистров являются сфера социальной деятельности, манера и ролевые отношения. В понятие «регистр» зарубежные лингвисты включают и стили письменной речи [11, с.35], однако этот термин можно использовать и применительно к ситуативно обусловленному выбору вариантов в устной речи.

Рассмотрим некоторые случаи, когда роль правил речевого поведения проявляется особенно ярко. Ранее мы проводили примеры некорректного речевого поведения преподавателей английского языка в ситуации «преподаватель—студент(ы)» при общении на английском языке. Ассистентам из Великобритании, работающим в советских вузах, казалось, что многие преподаватели злоупотребляют формами повелительного наклонения не только когда отдают распоряжения, но даже в тех случаях, когда они должны были бы облекать побудительные высказывания в форму просьбы; причем сами преподаватели до того не осознавали ошибочности своих

речевых действий (с точки зрения носителя английского языка). Естественно, здесь нельзя не учитывать различий социокультурного характера. В британских и американских университетах отношения между преподавателями и студентами внешне менее официальны (обращение к студентам по имени является нормой), в наших же вузах норма — обращение к студенту по фамилии. По своему статусу советский преподаватель наделен правом давать студентам распоряжения. Даже когда отношения между преподавателями и студентами приближались по характеру к существующим в британских и американских университетах, формы повелительного наклонения оказывались преобладающими в побудительных высказываниях при общении советских преподавателей со студентами на английском языке в аудитории и за ее пределами. Данное явление объяснялось особым рода интерференцией, когда навыки речевого поведения на русском языке (даже при выражении просьбы вполне вежливо звучит форма повелительного наклонения благодаря противопоставлению простых и вежливых форм «читай — читайте», наличие которых тесно связано с противопоставлением «ты — вы» при обращении к одному человеку) автоматически переносились в сферу английского языка, где действуют иные правила, социального и речевого поведения, а также отсутствует противопоставление типа «ты — вы» и вежливая форма повелительного наклонения.

Данная интерференция имеет место, несмотря на то обстоятельство, что правила речевого поведения, в отличие от языковых норм, применяются носителями языка не бессознательно. Наши информанты не все были филологами, однако проявляли единодушие в определении правил построения побудительных высказываний в зависимости от статуса и социальной роли коммуниканта. Так, они заявили, что побуждение может облекать в форму приказа или распоряжения лишь тот, кто обладает соответствующим статусом. Если это условие не выполняется, то побуждение в форме повелительного наклонения в английском языке вызывает отрицательную реакцию, интенсивность которой зависит от темперамента и воспитанности адресата. Информанты подметили также, что форма побуждения зависит не только от степени официальности ситуации или степени близости коммуникантов, но и от других факторов. Например, при наличии опасности или при дефиците времени носители английского языка употребляют в побудительных высказываниях формы повелительного наклонения, которые при других обстоятельствах считались бы невежливыми. Выбор формы побудительного высказывания зависит и от числа психологических факторов, т. е. чем значительнее одолжение, о котором просит говорящий, даже при обращении к близким ему лицам, тем вежливее форма побуждения. Ср.: 1) Can I borrow your pen? 2) Nigel, do you think it'll be all right to borrow your car? I want to go to town.

Рассмотрение указанных факторов и ситуаций свидетельствует о том, что они релевантны для говорящих не только на английском

языке, но и для общающихся на других языках (например, русском). В обоих языках ситуация «начальник—подчиненный» требует переключения на официальный регистр. В обоих языках имеются средства передачи команд и вежливых просьб, хотя формально они могут значительно отличаться не только в далеких друг от друга языках, но и в языках близкородственных. Так, в английском языке побуждение может передаваться конструкцией, похожей по форме на разделительный вопрос: *Open the window, will you? Sit down, won't you?*, что несвойственно русскому языку или немецкому. Ср.: *Откройте окно, откроете? **Geben Sie mir ein Streichholz, wollen Sie?*

В русском, английском и немецком языках вежливые побудительные высказывания имеют форму вопроса, но семантический диапазон таких квазивопросов в английском языке гораздо шире, чем в немецком или русском, а в последнем квазивопрос должен содержать отрицательную частицу *ne*. В отличие от русского, в английском и немецком языках квазивопрос часто содержит глагол в форме сослагательного наклонения: *Could you help me set up this projector?* С другой стороны, предложение «Зашли бы к нам» не имеет формальных эквивалентов в английских и немецких побудительных высказываниях, так как в этих языках вежливое побуждение оформляется как вопросительное предложение с инверсированным порядком слов.

Несмотря на обязательность и большую устойчивость норм речевого поведения, они в своих частных проявлениях довольно гибки и динамично коррелируют с изменениями социокультурного и даже экономического характера. Например, один из наших информантов, преподаватель-филолог из Великобритании, заметила, что не всякий бизнесмен позволит себе употребить в разговоре со своим секретарем формы повелительного наклонения, поскольку квалифицированных секретарей в Англии недостаточно, и, если она обидится и уволится с работы, ей трудно будет найти замену. Мы упомянули об этом в беседе с другим информантом. Он возразил, что наш первый информант, по-видимому, давно из Англии. В настоящее время, отметил он, в связи с безработицей положение секретарей там изменилось, и начальник может в разговоре с секретарем облекать свои распоряжения в любую форму. Третий информант объяснила, что многое зависит от статуса секретаря и начальника. У крупного бизнесмена секретарь имеет высшее образование и в отсутствие своего начальника может вести его дела. Естественно, что в таких случаях между бизнесменом и его секретарем наблюдаются иные отношения, чем между мелким боссом и его секретаршей, обычно молоденькой девушкой со средним образованием, которая в основном занимается перепечаткой бумаг. Поэтому с секретаршей в данном случае можно говорить в повелительном тоне: ей всегда найдется замена.

По свидетельству информантов-филологов, в рассматриваемых нами ситуациях социальные диалекты нерелевантны, потому что

сдвиг регистров происходит у всех говорящих на данном языке. Конечно, некоторые различия неизбежны. Рабочий, например, может вставить слова, характерные для его окружения, но грамматически построенное им побудительное высказывание не будет отличаться от высказываний представителей более высоких слоев общества (при равнозначности ситуаций).

Итак, правила речевого поведения в пределах рассмотренных отношений между коммуникантами и цели высказываний являются обязательными и осознанными для всех. Они являются одинаковыми для коммуникантов, говорящих на других языках в тождественных социокультурных условиях. С другой стороны, речевые средства, используемые при переключении регистров, даже при идентичности ролей и ситуаций общения, могут значительно отличаться не только у носителей разных языков, но и у коммуникантов, общающихся на родном для обоих языке. Однако, прежде чем описывать технику реализации правил речевого поведения, необходимо выяснить причины интерференции, имеющей место вопреки осознанному отношению к правилам речевого поведения.

В этом отношении могут помочь достижения современной психологии и психолингвистики. Вполне закономерно рассматривать речевую деятельность как подсистему человеческой деятельности в социальном плане. Причем нельзя упускать из виду, что в речевой деятельности реализуются парадигматические и синтагматические правила, диктуемые соответствующей языковой системой.

Речевая деятельность, как и любая человеческая деятельность, поддается анализу, разработанному современной психологической наукой. Она имеет три стороны: мотивационную, целевую и исполнительную [7]. В динамическом аспекте речевой деятельности можно пользоваться понятиями «установка» и «надситуативная активность». Первое обеспечивает стабильность, устойчивость деятельности, а также обуславливает консервативность, ригидность деятельности, поскольку субъект становится как бы «слепым» (в нашем случае глухим) к любым воздействиям, не укладывающимся в русло тенденции к сохранению направленности движения или готовности действовать в определенном направлении [1]. С другой стороны, «установка» объясняет причину ошибок в речевом поведении носителей русского или украинского языка, употребляющих формы повелительного наклонения при попытке выразить просьбу (вежливое распоряжение) на английском языке. Они как бы забывают, что в английском языке нет вежливой формы повелительного наклонения типа русской (сделайте, принесите и т.п.) при обращении к одному лицу. Данный феномен не противоречит описанию операциональных установок у А. Г. Асмолова и В. А. Петровского [1]. Особо отметим бессознательный характер этих установок, позволяющий понять дефекты в коммуникации на английском языке между носителями русского и английского языков. В ситуации «гид — туристы» последние при общении с гидом

«ожидают» услышать вежливые формы, а вместо них слышат нечто более похожее на команду, потому что русский гид переносит способы передачи побуждений, выработанные им для родного языка, на свою английскую речь. Отрицательный эффект этого вида интерференции тем сильнее, чем свободнее данный индивид говорит на неродном для него английском языке. Как заметил Дж. Гамперц и Д. Таннен, в ситуациях, когда коммуниканты считают, что они гсворят на одном языке и понимают друг друга, коммуниканты меньше подвергают сомнению правильность своей интерпретации коммуникативного намерения собеседника [10, с. 315].

Барьеры, воздвигаемые «установками», преодолеваются с помощью надситуативной активности, видоизменяющей деятельность и преодолевающей инерционный эффект установок [11]. Для его преодоления применительно к общению на иностранном языке, говорящий должен осознавать различия в способах формирования прагматического смысла высказывания в родном и иностранном языках. Поэтому при обучении английскому языку русских (украинцев) необходимо обращать внимание на различие способов выражения той или иной коммуникативной интенции. Например, следует показывать, что для выражения просьбы в английском языке чаще всего употребляются высказывания по форме похожие на вопрос, которые можно было бы назвать квазивопросами (английский термин *whimperatives* [9] непереводим на русский язык). Во избежание недоразумений глагол в этих квазивопросах лучше употреблять в форме сослагательного наклонения, а также обращать внимание обучающихся на то, что даже квазивопросы в английском и русском языках строятся по-разному.

Расхождение между коммуникативной интенцией говорящего и эффектом, который его высказывание производит на слушающего, в значительной степени зависит от того, насколько общающийся на неродном для него языке овладевает интонационными особенностями иноязычной речи. Важность данного положения очевидна, так как интонация наряду с некоторыми паралингвистическими средствами является основным фактором прагматического смысла высказывания. К побудительным высказываниям примыкают также вопросы или квеситивы [6]. Русским, говорящим на английском языке, следует помнить, что вопросы типа *Will you go to London tomorrow?* часто интерпретируются как побуждение, поэтому носители английского языка, желая избежать прагматической неоднозначности таких высказываний и подчеркнуть, что задается именно вопрос, меняют *will* на *shall*: *Shall you go to London tomorrow?* [15, с. 288] или же употребляют длительную форму будущего времени [13, с. 63] *Will you be going to London tomorrow?* В русском языке «У вас нет спичек?» — вежливая просьба, а в английском *Don't you have matches?* напротив, выражает недоверие, раздражение [14, с. 113]. Ср.: «Разве у вас нет спичек?»

На русском языке вопрос «Вы кого-то ищете?» звучит вполне вежливо, но на английском формальный эквивалент *Do you want*

to see someone? звучит грубовато, вежливее спросить Did you want to see someone? или Were you wanting to see someone? Как видим, в английском и русском языках формы прошедшего времени, транспонированные в настоящее, являются более вежливыми, но, в отличие от русского, в английском языке оттенок вежливости (неуверенности) передается еще и длительной формой глагола-сказуемого.

Как английская, так и русская речь в неофициальных ситуациях отличаются эллиптичностью, но в английском языке подлежащее опускается намного реже, чем в русском; с другой стороны, в английском сказуемое подвергается эллиптизации чаще, чем в русском. В русском языке опущение формы настоящего времени связки *«быть»* нормативно, в английском опущение связки *be* является признаком диалектной речи.

Таким образом, при обучении иностранному языку невозможно учить языку как «вещи в себе», а следует подходить к речепроизводству как к деятельности, причем деятельности социально обусловленной, что требует применения достижений лингвистики, социолингвистики, психолингвистики и находящейся в стадии становления прагмалингвистики. Возникает вопрос о создании сопоставительных коммуникативных грамматик или грамматик, содержащих элементы сопоставления речевых явлений в сходных ситуациях речевого общения. Прежде всего необходимо описание живой речи в сопоставляемых языках, выявление и описание форматоров прагматического смысла высказываний в этих языках, а также особенностей культуры и быта социумов, пользующихся сопоставляемыми языками. Однако изучение специфики общения на русском языке начато недавно, а в исследованиях, посвященных особенностям общения на английском языке, отсутствует описание ошибок прагматического характера, наблюдаемых в речи русских или украинцев, общающихся с носителями английского языка на их родном, английском языке.

Список литературы: 1. Асмолов А. Г., Петровский В. А. О динамическом подходе к психическому анализу деятельности. — Вопросы психологии, 1978, № 1, с. 70—81. 2. Белл Р. Т. Социолингвистика. М., 1980. 320 с. 3. Дорожных А. И. Вариативность глагольных средств выражения модальных значений в современном литературном английском языке. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 24 с. 4. Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1. 406 с. 5. Клоуз Р. А. Справочник по грамматике для изучающих английский язык. М., 1979. 352 с. 6. Почецов Г. Г. Предложение. — В кн.: Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981, с. 164—281. 7. Теория речевой деятельности. М., 1968. 272 с. 8. Чегодамов Н. С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании. — В кн.: Новое в лингвистике, 1975, вып. 7, с. 5—33. 9. Green G. M. How to get people to do things with words: the question of whimperatives. — In: Some new directions in linguistics. Wash., 1973, p. 51—81. 10. Gumperz J., Tannen D. Individual and social differences in language use. — In: Individual differences in language ability and language behavior. N. Y., 1979, p. 305—325. 11. Halliday M. A. K. Language as social semiotic. L., 1978.

Поступила в редколлегию 20.10.83.

Г. В. ЕЙГЕР

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБНОСТИ И ЧУВСТВО ЯЗЫКА

Способности к изучению иностранного языка — индивидуально-психологические особенности личности, обуславливающие быстрое и легкое образование интервербальных связей, формирование операций по структурированию вербального материала и функционально-лингвистических обобщений, гибкость трансформационных процессов, а также развитие лингвистического мышления [2, с. 155].

Под «чувством языка» понимается функционирующий на базе языкового сознания механизм контроля и оценки языковой правильности, действующий в обычных условиях на бессознательном уровне. Основу данного механизма составляют сигналы согласования/рассогласования со сложившимися в языковом сознании эталонами, а эмоциональным компонентом является разновидность интеллектуальных эмоций — согласования и новизны [3].

Рассмотрим результаты экспериментального изучения некоторых зависимостей между чувством языка и языковыми способностями. Вывод о способностях студентов был сделан в результате собственного длительного наблюдения автора и консультаций с опытными преподавателями. В течение нескольких лет автор проводил наблюдения за ходом языкового развития и развитием лингвистического мышления. К способным относили тех студентов, которые быстро усваивали языковой материал, объяснения преподавателя, легко ориентировались в тексте, отличались беглостью речи и хорошей усвояемостью языковых трансформаций при переходе от одного психолингвистического угла зрения к другому, отличались глубиной понимания иноязычной речи и правильностью построения собственного высказывания в соответствии с конкретной ситуацией; учитывался также творческий характер мышления при изучении нового материала.

К группе средних по способностям относили тех студентов, которые на усвоение языка затрачивали больше труда и времени, но достигали довольно низких результатов по сравнению со способными студентами. При усвоении языка большая нагрузка ложится на память, важную роль при этом играет подражание; значительные трудности студенты средних способностей испытывают при изучении нового материала, им также труднее адаптироваться в свете новых требований обучения при переходе с курса на курс.

В лабораторном эксперименте участвовало 9 студентов с отличными способностями и 5 студентов со средними. Цель эксперимента студентам не сообщалась. Лабораторное исследование проводилось с двумя испытуемыми индивидуально во внеаудиторное время и длилось не более 1,5 ч. Студенты должны были выполнить три вида заданий. Первый вид предусматривал определение наличия «чувств правильности» лексической сочетаемости. Задание формулировалось следующим образом: «Укажите, какой из глаголов сочетается со следующими существительными*», напр.: ein Geheimnis (hüten, bewahren, behüten, bewahren); um Gehör (verlangen, bitten, fordern); какой глагол может употребляться со всеми тремя существительными:

j-m Glauben		bei j-m Gehör		finden
j-m Gehör		bei j-m Glauben		
j-m Vertauen		bei j-m Gefallen		

При подсчетах мы пользовались критерием В. П. Беспалько $K = \frac{P}{N}$, где N — общее количество предъявленных задач; P — число решенных задач; K — критерий успешности [1] (у способных студентов $K = 0,81 \div 0,97$, а у студентов со средними способностями $K = 0,47 \div 0,51$).

Второй вид заданий был предназначен для определения чувства грамматической правильности и заключался в следующем. Студентам предъявлялись предложения с заданием вставить в них авторский ввод («Sagte mein Freund») во все позиции внутри речевой цепи, где это возможно, напр.: Ich |war| mit|Mate Zalka| gut bekannt|, als er| in Moskau lebte**. Если через N обозначить количество допустимых разрывов, а через P — число названных, то для первой группы $K = 0,8 \div 1$, а для второй — $K = 0,35 \div 0,4$. Кроме того, некоторые студенты этой группы указывали ненормативные позиции разрыва.

Третий вид заключался в изучении предвосхищения слов и проводился по методике Ю. Н. Кулюткина, Г. С. Сухобской [4, с. 78—79]. В тексте объемом 172 печатных знака было пропущено каждое пятое слово (всего — 33). Анализ вставленных испытуемыми слов позволил выделить из них четыре типа: 1) абсолютно точно угаданные; 2) выражающие истинный смысл; 3) указывающие на правильное понимание смысла при отсутствии навыка найти необходимую для его выражения форму; 4) не вписывающиеся в смысловую структуру данного предложения и текста в целом. Соотношения этих типов ответов с двумя рассматриваемыми группами студентов (способные/средних способностей) можно представить следующим образом: 1) 23/11; 2) 9/4; 3) 1/15; 4) 2/5 соответственно.

* Данные сочетания ранее студентами не изучались.

** Вертикальная черта указывает на возможные места «разрывов».

Итак, полученные данные свидетельствуют о том, что между развитостью чувства языка и языковыми способностями существует корреляция, выражающаяся в интуитивном определении запретов в лексическом и грамматическом аспектах, а также в развитой способности к вероятностному прогнозированию.

Список литературы: 1. Беспалько В. П. Опыт разработки критериев качества усвоения знаний.—Сов. педагогика, 1968, № 4, с. 52—69. 2. Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. О выявлении и развитии лингвистических способностей при обучении иностранному языку.— В кн.: Вопросы психолингвистики и преподавания русского языка как иностранного. М., 1969, с. 150—171. 3. Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. Психологический механизм чувства языка.— Вопр. психологии, 1983, № 4, с. 137—142. 4. Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. С. Исследование познавательной деятельности учащихся вечерней школы. М., 1977. 152 с.

Поступила в редколлегию 29.09.83.

В. И. КАРАВАШКИН, канд. филол. наук

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПОЗИТНЫХ МОДЕЛЕЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Стилистические закономерности — реализация валентности лексических единиц лексико-грамматического класса, определяемые их стилистической маркированностью или немаркированностью. Под стилистической маркированностью понимается языковой признак, независимый от условий употребления слова в тексте, поскольку самое обычное слово может приобрести окраску под влиянием общего смыслового или образного содержания высказывания, подбора слов, законов версификации, словообразовательных моделей, синтаксического строения произведения и др.

Анализ лексических единиц, релевантных для каузального словосложения, свидетельствует о том, что это, как правило, стилистически нейтральные единицы, т. е. единицы, которые одинаково можно употребить в общеязыковых значениях в любом виде литературной речи. Функционирующие в составе каузальных композит субстантивные, адъективные, вербальные единицы, независимо от позиции, обнаруживают нулевую стилистическую окраску. Среди синонимичных им единиц нами зарегистрированы стилистически маркированные и стилистически нейтральные. Причем первые в модели каузальных композит не встречаются, в чем проявляются общие свойства стилистически маркированных единиц: они не могут выступать в качестве мотивирующих по отношению к стилистически нейтральным единицам [1, с. 40].

Приводим неполный перечень каузально валентных лексических единиц, выступающих компонентами МКК (субстантивные в качестве слабого компонента, адъективные — сильного и слабого компонента, глагольных и отглагольных единиц — ядра):

Субстантивные единицы	Синонимичные единицы	
	Стилистически маркированы	Стилистически нейтральны
Angst	Bammel (salopp landsch) Dampf (salopp)	Furcht
Dampf	Schiff (salopp derb) Brodem (dicht)	Nebel, Hauch
Glück	Wrasen (norddeut) Dusel (umg)	Wonne
Hunger	Massel (salopp) Schwein (salopp)	
Husten	Kohldampf (umg) Knast (salopp)	
Kälte	Bellem (umg) Quöchen (norddeut)	Frost
Lärm	Hundekälte (salopp) Saukälte (derb)	
Liebe	Gelärme (umg) Badau (umg)	Krach
Rauch	Krakeel (umg) Krakeelerei (salopp)	
Sehnsucht	Minne (dicht)	Dampf
Sonne	Schmok (norddeut)	
Staub	Schmachten (scherzh) Klärchen (scherzh)	
	Dust (norddeut)	

Употребляемые в разговорной речи с определенным оттенком имена существительные *Bammel* (Angst), *Dusel*, *Massel* (Glück) и др. не вступают в композитные связи:

Er hatte vor der Prüfung, vor dem Zusammentreffen, vor ihr (einen) mächtigen, höllischen *Bammel* [3, S. 415];

Da hab' ich aber *Massel* gehabt! [3, S. 2458];

Was anfangs nur Ulk schien, wurde im *Dusel* Ernst (W. Bredel).

Используемые в поэтической речи существительные *Minne* (Liebe), *Brodem* (Hauch, Nebel, Dampf) также отрицательно реагируют на композитные связи:

Da, aus den Gebüschén wollustvoll,

Klingt es nicht wie unerlaubte *Minne*? (E. Weinert);

Ein frischer *Brodem* wehte vom Garten in das

Zimmer [3, S. 676].

Таким образом, любой стилистический маркер ограничивает функционирование лексических единиц определенным типом синтагматических связей (внешних/внутренних).

Употребительные в разговорной речи, но территориально ограниченные имена прилагательные *marode* (müde), *malade* (krank) в композитные связи не вступают: *Marode* bin ich! Müde — matt — *marode* bin ich! (G. Hauptmann); Ich bin heute etwas *malade*! [3, S. 2427].

Отрицательная реакция указанных единиц на внутренние синтагматические связи обусловлена, с одной стороны, их характером как заимствований, а с другой — их стилистической маркированностью.

Профессионально окрашенные единицы, такие как *humid* (feucht), *raum* (offen), *asthenisch* (schwach), *idiotisch* (schwachsinnig), *viskös* (träge), *heftig* (trübe), обнаруживают также отрицательную реакцию на композитные связи: *Die humiden Gebiete der Erde* [3, S. 1910].

Адъективные единицы	Синонимичные единицы	
	Стилистически маркированы	Стилистически нейтральны
feucht klein	humid (fachspr) lütt (norddeut) fipsig (landsch) fiselig (umg)	naß, näßlich winzig
krank müde	malade (umg) marode (landsch) bettreif (umg) hundemüde (salopp) saumüde (derb)	kränklich matt, ermüdet, erschöpft

Территориально закрепленные единицы *lütt* (klein), *behäbig* (reich), *gries* (grau) и др. также не обнаруживают композитных связей:

Der Junge ist dazu noch zu *lütt*; das ist meine *Lütte*;
das *Lütte* schläft noch [3, S. 2411].

Как показало исследование, для группы адъективных единиц релевантны те же закономерности, что и для группы субстантивных единиц. Приводим краткую характеристику глагольных единиц.

Корневой глагол *ängsten* отрицательно реагирует на каузальное словосложение: его употребляют в стиле поэтической речи и обнаруживают общие свойства стилистически маркированных единиц.

Территориально маркированные единицы, такие как *bulksen* (arbeiten), *hapsen* (beißen), *bläffen* (bellen), *prachern* (betteln), *guöchen* (husten), *schnäbeln* (küssen), *sprinten* (laufen), *scherbeln* (tanzen) и другие, также не обнаруживают внутренних композитных связей.

Er hat die ganze Nacht *gescherbelt* [3, S. 3194]; Wie der (der Vater) dann im Krieg gefallen ist, da haben dann all seine Mädclchen *geflennt* (A. Seghers); Ich habe schon ein bißchen *geduselt* [3, S. 619]; Herr Gerber *döste* auf seinem Fuhrwerk vor sich hin (E. Dürrenmatt); Als der Fremde kam, *blaffte* der Hund [3, S. 619]; Hat er dich *gebußt*? [3, S. 708]; Das Kind hat laut *gebläkt* [3, S. 620]; Er *brummte* etwas Unverständliches in seinen Bart, in sich hinein [3, S. 682]; Er hat mal wieder ordentlich *gesiecht* [3, S. 3372].

Как видим, стилистически маркированные единицы обнаруживают нулевую реакцию на внутреннюю синтагматическую связь.

Глагольные единицы	Синонимичные единицы	
	Стилистически маркированы	Стилистически нейтральны
ängstigen	angsten (poet)	schuften
arbeiten	roboten (salopp)	
beißen	bulksen (landsch abwert)	
	hapsen (landsch)	
	(zu) happen (umg)	
bellern	bäffen (landsch)	
	belfern (umg)	
	bläffen (landsch abwert)	
betteln	prachern (landsch)	
	schnorren (salopp)	
husten	bellern (umg)	
	quöchen (norddeut)	
küssen	schmatzen (umg)	
	busseln (umg süddt österr)	
laufen	sprinten (sport)	
	wetzen (umg)	
	socken (salopp)	
sprechen	quaken (salopp)	
	brummen (derb)	
	seichen (landsch, salopp)	
tanzen	scherbeln (landsch)	
	schwofen (salopp)	

Таким образом, сильные и слабые компоненты во всех частных моделях выражаются стилистически нейтральными единицами, в самостоятельном употреблении они обнаруживают нулевую стилистическую окраску. Производные же единицы могут приобрести определенную стилистическую маркированность под влиянием различных факторов, в частности под влиянием композитной модели. Например, сложные глаголы *sich müdelaufen*, *sich warmtanzen* и др., каждый из компонентов которых сам по себе стилистически немаркирован, характерны только для разговорной речи [2]. Следовательно, диалектные, просторечные, устарелые лексические единицы эвфемизмы, а также профессионально окрашенные, территориально ограниченные, темпорально обусловленные обнаруживают общие свойства стилистически маркированных единиц. Роль стилистических факторов проявляется в том, что они регулируют появление, отбор и закрепление новых единиц в языковой системе.

Список литературы: 1. Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, с. 166—204. 2. Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in 2 Bänden. Leipzig, 1969. 1174. S. 3. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. In 6 Bänden. Herausgegeben von R. Klappenbach u. W. Steinitz. Akademie — Verlag Berlin, 1965—1978. 4579 S.

Поступила в редколлегию 14.09.83.

О ФАЗНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ПЕРФЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ
В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ПРЕТЕРИТЕ

В современном немецком языке можно выделить три основных функции претерита: перфектную, описательную (имперфектную) и повествовательную (аористическую). В перфектной функции претерит обозначает завершенность действия в будущем, так как в этом случае он выступает как синоним перфекта и может заменяться футурумом II и перфектом. В смысле перфекта может употребляться простой претерит [3, с. 192]. Напр.:

Auf alle Fälle würde sie jetzt mal ihre Straßenschuhe besohlen lassen. Etwas kam bestimmt *heraus* morgen um zwölf bei Cölln-und mit wirklichen Ausgaben wartete man selbstverständlich, bis dies Ereignis sich greifen ließ (A. Zweig).

Konnte er Geld und Soldaten auftreiben, dann *setzte* er diesen frechen Gebirglern Franzosen, Burgunder, Rheinländer als Statthalter in den Pelz nach seinem Belieben. Brachte er kein Kapital und keine Armee auf, dann wird er in Gottes Namen seine Versprechungen halten (L. Feuchtwanger).

Если претерит выполняет имперфектную (описательную) функцию, то он описывает прошедшие события, которые происходят одновременно и параллельно, а общая картина не меняется, т. е. действие во времени не развивается. Напр.:

Der Vater der Kinder war Konsularbeamter. Sie gingen in Rio in eine portugiesische Schule. Zugleich gab ihnen die Mutter polnischen Unterricht. Ihr Koffer war voll polnischer Schulbücher. Vor dem Ende der Ferien fuhr sie heim mit den Kindern, damit die in Krakau ihre Examen machten (A. Seghers).

Ewig blauer Himmel, den ganzen Sommer über. Nur zuweilen kleine weiße Kumuluswolken, die dahinzogen, aufquollen, und über den Horizont schwammen. Selten nur ein kleiner Regenschauer. Und die Welt schien von Sonnenschein verklärt. Vor dem Beobachtungsturm lag ein schmaler, steil abfallender Strand. Dahinter wogte sanft die Ostsee. Schiffe und Fischkutter pflügten weiße Streifen in den blauen Untergrund (H. Schneider).

При употреблении претерита в аористической функции он описывает прошедшие события, которые следуют друг за другом, т. е. не сосуществуют, а сменяют друг друга во времени. При этом образуется так называемая аористическая цепь однократных действий. Напр.:

Der Kämmerling rötete sich, zuckte mit den kurzen Lippen, wollte erwidern, bezwang sich, schwieg (L. Feuchtwanger).

Аористическое значение претерита равнозначно значению перфективности, понимаемой не как лексическая, а как грамматическая характеристика глагола [2, с. 412]. Большинство простых немецких глаголов имперфективны, т. е. выражаемые ими действия не имеют ни пространственных, ни временных ограничений: essen, schreiben, lesen, blühen. Однако есть исключения, число которых

ограничивается глаголами werden, kommen, bringen, finden. Производные немецкие глаголы обычно перфективны. Это значит, что они обозначают какое-либо изменение, которое уже началось, но еще не закончилось, т. е. перфективные глаголы приобретают значение ограниченности действия его началом. Отметим, что у перфективных глаголов значение ограниченности действия его началом не идентично с соответствующим лексическим фазным значением. Например, такие глаголы, как erblühen (расцветать) и verblühen (отцветать) обозначают начальную и конечную фазу глагола blühen. Однако несмотря на это, они имеют грамматическое значение ограниченности действия его началом [2, с. 412].

Следовательно, перфективность и имперфективность можно рассматривать как грамматическую категорию, которая проявляет себя так же, как и другие грамматические категории, т. е. имеют свои определенные показатели. Имперфективные глаголы могут быть перфективированы морфологическими и синтаксическими средствами. К морфологическим средствам относятся префиксация (besteigen, entnehmen, erfrieren), словосложение (einschlafen, ausarbeiten, aufwachen, hingehen). К синтаксическим средствам относятся использование предлогов, указывающих направление движения (nach Hause gehen, zur Erde fallen, vor die Tür schieben), употребление глаголов с дополнениями в винительном падеже (einen Brief schreiben, ein Buch lesen, ein Haus bauen), а также употребление претерита в аористической функции [2, с. 412].

При употреблении претерита в аористической функции в отличие от функции имперфектной, где действия происходят в одной темпоральной плоскости, между отдельными действиями появляются границы, так как события следуют друг за другом. Эти границы ничем не отличаются от тех, которые появляются у действия в результате префиксации глаголов, сложения их с предлогами, указывающими направление движения, и т. д. В данном случае имперфективные глаголы становятся перфективными, т. е. получают значение ограниченности действия его началом. Это значение перфективности, появляющееся у имперфективных глаголов в аористической цепи, нельзя путать со значением перфективности, так как последнее обозначает законченность действия и появляется в аористической цепи лишь у перфективных глаголов как результат их повторной перфективации.

В русском языке глаголы в аористической цепи ведут себя так же, как и глаголы в немецком языке, поскольку большинство простых глаголов в русском языке в отличие от простых глаголов в немецком перфективны. В аористической функции русские глаголы различаются не в смысле вида, а в смысле грамматического значения начала и конца действия внутри одного и того же совершенного вида [2, с. 415]. Поэтому имперфективные глаголы, которые в аористической цепи приобрели значение ограниченности действия его началом, переводятся на русский язык глаголами совершенного вида со значением начала действия, а перфективные глаголы, получившие

в такой же ситуации значение ограниченности действия его концом, переводятся на русский язык глаголами совершенного вида со значением законченности действия. Напр.:

(1) Der Turmwächter erschien. Der Herzog lief rot an, bellte dem Mann unflätige Schimpfworte zu. In der Zinne des einen Torturms war auf einmal Margarete, rief mit ihrer warmen, dunklen Stimme, der Prinz von Luxemburg möge nicht weiterschreien, hier sei kein Platz für ihn, er möge sich andere Herberge suchen. Vielleicht in Taufers. Johann legte an auf sie. Sie war fort vor seinem Pfeil (L. Feuchtwanger).

(2) Er richtete sich höher, piff ein kleines, keckes Lied, spornte sein Pferd, daß seine Herren sich beeilten, ihm nachzukommen (L. Feuchtwanger).

В примере 1 перфективные глаголы *got anlaufen*, *zubellen*, *anlegen* в данном контексте можно перевести на русский язык глаголами совершенного вида, обозначающими законченность действия (покраснеть, прокричать, прицелиться). В примере 2 имперфективные глаголы в аористической цепи с повествовательным претеритом стали перфективными и приобрели грамматическое значение начала действия (*piff* — стал насвистывать, *spornte* — прищипорил).

Повествование и описание в чистом виде встречаются редко. Обычно они переплетаются друг с другом:

Die Vögel begannen zu zwitschern. Draußen klappte (стукнула) eine Tür. Das war Frau Bender, die Säuglingsschwester. Ich sah (посмотрел) auf die Uhr. In einer halben Stunde war Frieda in der Küche, dann konnten wir nicht mehr ungesehen hinaus. Pat schlief (спала) noch. Sie atmete (дышала) tief und regelmäßig. Es war eine Schande, sie zu wecken (E. M. Remarque). Um sich über seine Verlegenheit hinwegzuhelfen, aß er (стал есть) viel und hastig durcheinander, trank (выпил) von dem gewürzten Wein. Schließlich befahl (овладела) ihn Übelkeit; er machte (сделал) zunächst ein grimmiges Gesicht, verbiß (сдержался) es, aber zuletzt konnte er es nicht mehr. Der Erzbischof von Olmütz mußte ihn hinausführen. Man lächelte (улыбался) ringsum, freute sich (радовались), machte (делали) gutmütige Scherze (L. Feuchtwanger).

В ряде случаев трудно определить фазные значения перфективных глаголов в повествовательном претерите. Так, в предложении «Nach der kalten Nacht und dem trüben Morgen brach wärmende Sonne durch die Wolken hervor, die Vögel waren überall zu hören und der Schnee zerging» глагол *zergehen* можно интерпретировать как ингрессивный (стал таять), точечный (неожиданно исчез) или эффе́ктивный (растаял). Общим у этих вариантов является то, что они представляют собой какое-либо ограничение [4, с. 394; 1, с. 39].

Наши примеры подтверждают мысль о том, что фазное значение перфективных глаголов не всегда можно определить с достаточной точностью:

Er starrte mich an: in seinem bleichen, etwas verfetteten Gesicht flog eine Röte hoch, ich spürte, daß er verbittert war. Aber gerade das brauchte ich — alle meine Energien drängten sich zu rascher Entscheidung, denn ich spürte, lange hielten es meine Nerven nicht mehr aus (S. Zweig).

Перфективный глагол *hochfliegen* может иметь как значение начала/конца действия, так и точечное значение. В данном контексте им-

перфектная и аористическая функции претерита тесно переплетены. По-видимому, имперфектное значение в некоторой степени нейтрализует перфективность глагола *hochfliegen*, и тогда становится трудно определить фазное значение перфективного глагола:

Leichter Wind ging, flockte den Schnee auf, bauschte die Zeltwände, ließ sie flattern, klatschen. Das kleine Gefolge war zurückgeblieben, der König ritt allein, lässig. Beschauete verdrießlich die weitläufigen, festlichen Anstalten. Seine glattrasierten Backen hingen schlaff und fett, der Mund baute sich vor, groß, häßlich, mit gewulsteter Unterlippe (L. Feuchtwanger).

Поскольку в данном примере претерит употреблен в описательной и повествовательной функции, нельзя однозначно судить, имеет ли глагол *aufflocken* ограничение началом/концом действия или имеет точечное значение.

Таким образом, в повествовательном претерите большую роль играют фазные значения перфективных глаголов, ибо сама аористическая цепь обладает способностью перфективировать имперфективные глаголы: последние приобретают значение ограниченности действия его началом, а перфективные глаголы вследствие двойной перфективации приобретают значение ограниченности действия его концом. Однако трудно определить и фазное значение перфективных глаголов в повествовательном претерите. По нашему мнению, это является следствием влияния имперфектного «фона», который в некоторой степени нейтрализует перфективность глаголов.

Список литературы: 1. *Andersson S.-G. Aktionsart im Deutschen*. Uppsala, 1978. 357 S. 2. *Deutsch*. Kiew, 1982. 464 S. 3. *Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik*. Tübingen, 1963. 385 S. 4. *Pollak H. Studien zum germanischen Verbum*, 1. Über Aktionsarten. 1920, PBB 44. 437 S.

Поступила в редколлегию 28.06.83.

И. П. ЛИПКО

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ DO В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С HAVE (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Несмотря на то что проблема варьирования структуры вопросительных и отрицательных предложений с *have* в разной степени затрагивалась в ряде теоретических работ [2; 4] и практических руководствах [1], однако данный вопрос обстоятельно еще не исследовался. В подходе к этому явлению мы встречаемся либо с излишне широкими обобщениями, например, с утверждением, что в (АЕ) *have* всегда употребляется с *do* [2], либо с выделением сравнительно жестко очерченных условий употребления конструкций с (без) *do* в ВЕ [1; 3]. Оба подхода, основанные на анализе обширного рече-

вого материала и эксперимента с информантами, не отражают, по нашему мнению, реально существующего положения.

Возникает вопрос, какой вариант английского языка изучается в СССР? По-видимому, подготовка преподавателей английского языка, учебники (разделы фонетики, лексики, орфографии) в основном ориентированы на британский вариант английского языка, что представляется исторически мотивированным. Однако игнорирование американской нормы считаем необоснованным, тем более что ВЕ и АЕ находятся в постоянном взаимодействии, благодаря широкому развитию средств массовой коммуникации [5].

Применительно к исследуемым структурам это означает, что несмотря на преобладание в определенных случаях до-структур или структур без do в том или ином варианте, употребление обеих в процессе изучения английского языка в средней школе не может считаться ошибочным, за исключением ряда случаев, в которых до-структуры обязательны. В работе со стажерами и специалистами, готовящимися к работе за рубежом, особенно в переводческой практике, целесообразно учитывать ареальные особенности.

Так, при переводе художественных, публицистических, научно-технических текстов с русского языка на английский следует учитывать прагматический аспект перевода, т. е. ареал, для которого предназначен перевод, так как характер использования глагола have в структурах с (без) do обнаруживает значительные различия в исследуемых национальных вариантах единого полинационального языка.

В процессе изучения проблемы варьирования в употреблении глагола have с (без) do в вопросительных и отрицательных предложениях было установлено, что выбор модели детерминирован, кроме ареала и некоторых основных условий: коммуникативный характер предложения (отрицательные, общевопросительные, частновопросительные, вопросительно-отрицательные, разделительно-вопросительные); временная характеристика структуры (употребление Present Indefinite или Past Indefinite) времени; синтагматическая реализация have.

Следует отметить, что при обучении языку и в переводческой практике во всех типах предложений (ВЕ и АЕ) *до-структуры в прошедшем времени употребляются чаще, чем в настоящем*. Примерное соотношение до-структур в настоящем и прошедшем времени составляет в ВЕ — 1 : 2 (АЕ — 1 : 1,4).

Для исследования выделим семь основных и три дополнительных группы, в которых реализуются различные синтагматические значения have 1) глагол have в сочетаниях с существительными конкретного значения (СГ—1); 2) в сочетаниях с существительными абстрактного значения (СГ—2), кроме случаев с СГ—3, СГ—6 и СГ—8; 3) в сочетаниях с существительными, выражающими умственные процессы (СГ—3); 4) в сочетаниях с существительными, обозначающими родственные связи (СГ—4); 5) в сочетаниях с существительными, обозначающими социальные или личные отношения (СГ—5);

6) в сочетаниях с существительными, обозначающими свойства (СГ—6); 7) в сочетаниях с существительными типа dinner, lunch, breakfast, supper (to dine, lunch, breakfast, supper и т. д.) — (СГ—7).

Дополнительные группы выделяются на основе следующих признаков: степени спаянности have с дополнениями (СГ—8), характера дополнения (СГ—9), структуры сочетаний с have (СГ—10); 8) фразеологические сочетания с глаголом have (СГ—8); 9) структуры с have + различные местоимения (СГ—9); 10) сочетания с have, имеющие каузативное значение (СГ—10).

Так, установлено, что в *отрицательных* предложениях (ВЕ) предпочтительны структуры без do в СГ—1, 2, 3, 4, 8, 9; do-структуры с СГ—5, 6 (do-структуры отмечены только в СГ—7, 10). В АЕ предпочтительны do-структуры в СГ—1, 2, 4, 5, 6, 8, 9 (do-структуры обнаружены только в СГ—7, 10). Удельный вес структур с (без) do одинаков в СГ—3.

В *общевопросительных* предложениях (ВЕ) предпочтительны структуры без do в СГ—1, 2, 4, 5, 8, 9; do-структуры — в СГ—10; (структуры без do используются только в СГ—3). В АЕ предпочтительны do-структуры в СГ—1, 2, 4, 5, 8, 9, 10; отмечены только do-структуры в СГ—6. Удельный вес структур с (без) do одинаков в СГ—3, 7.

В *частновопросительных* предложениях (ВЕ) предпочтительны структуры без do в СГ—2, 8, 9; do-структуры — в СГ—3, 7 (структуры без do используются только в СГ—4). В АЕ предпочтительны структуры без do в СГ—1, 2, 8, 9; do-структуры — в СГ—4; представлены только do-структуры в СГ—3.

В *вопросительно-отрицательных* предложениях (ВЕ) предпочтительны структуры без do в СГ—1, 5; do-структуры — в СГ—2; обнаружены только структуры без do в СГ—3, 8 (только do-структуры используются в СГ—4, 10). Удельный вес структур с (без) do одинаковый в СГ—9. В АЕ предпочтительны do-структуры в СГ—1, 2, 9; отмечены только структуры без do в СГ—3, 6, 8 (только do-структуры используются в СГ—5, 7). Удельный вес структур с (без) do одинаковый в СГ—4, 10.

В *разделительных вопросительных* предложениях (ВЕ) предпочтительны структуры без do в СГ—2, 4; do-структуры — в СГ—1; зарегистрированы только структуры без do в СГ—3, 8, 9. В АЕ предпочтительны структуры без do в СГ—9; do-структуры — в СГ—1, 2, 3; отмечены только do-структуры в СГ—4 (только структуры без do используются в СГ—5). Удельный вес структуры с (без) do одинаковый в СГ—8.

Следовательно, анализ данных функционирования do-структур и структур без do в указанных типах предложений и семантических группах в ВЕ и АЕ в XX в. позволяет сделать следующие выводы. Характер употребления do-структур (структур без do) с глаголом have определяется принадлежностью к ВЕ (АЕ) варианту английского языка; типом предложения; временной характеристикой; семантикой have реализованной в его дистрибуции. В рассматриваемых

типах предложений зарегистрировано резкое преобладание до-структур в АЕ, не означающее, что использование в этом национальном варианте структур без do невозможно, напр.:

"Have you a handkerchief?" (W. Saroyan); "How many children have you?" (T. Dreiser); "I haven't anything to say to you" (Keyes).

Несмотря на явное преобладание структур без do в ВЕ, в некоторых семантических группах встречаем аналитические структуры в случаях, не указанных исследователями (СГ—1, 2 и т. д.), напр.:

"Do you have a Dictionary of Proverbs?" (Shaffer); "People don't have the time any more",— said Thompson» (Watson); "They never had children, did they?" (Maugham).

Структуры с (без) do не обладают свойствами противопоставления и могут рассматриваться поэтому как структуры-альтернаты.

Таким образом, очевидно, что различия между ВЕ и АЕ на этом участке синтаксиса ощутимы и должны учитываться в переводческой и педагогической практике, особенно при подготовке переводчиков и специалистов, изучающих английский язык для работы за рубежом.

Список литературы: 1. Хорнби А. С. Конструкции и обороты современного английского языка. М., 1958. 335 с. 2. Жлуктенко Ю. А. Варианты полинациональных языков. К., 1981. 279 с. 3. Radionov A. F. Variants in Current English Grammar. М., 1981. 215 р. 4. Расторгуева Т. А. Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 51 с. 5. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971. 200 с.

Поступила в редколлегию 17.09.83.

И. В. ЛИТВИНЕНКО

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В БАЗЕ ДАННЫХ И ПОСТРОЕНИЕ ЯЗЫКА ЗАПРОСОВ ПОЛЬЗОВАНИЯ

Современные автоматизированные базы данных (БД) позволяют успешно использовать ЭВМ для обработки все возрастающего потока научно-технической информации. Основные функции по обработке этой информации выполняют системы управления базами данных (СУБД), однако непосредственное общение широкого круга потребителей хранимой ЭВМ информации затруднено из-за сложности средств управления и неумения пользователей работать с языками программирования и формальными языками. Поэтому современный уровень развития науки и техники требует оптимального сочетания элементов естественного и искусственного для достижения близости языка общения с БД с естественным языком и овладения им без специальной подготовки [1].

The diagram illustrates the structure of the 'Unit of Equipment' (Единица оборудования) and its associated codes. The central node is 'Единица оборудования'. It branches into several categories:

- CO1** (Предприятие Адрес) - Enterprise Address
- CO2** (Стадия разработки начало-конец (дата)) - Development Stage start-end (date)
- CO3** (Стоимость) - Cost
- CO4** (Технические показатели) - Technical indicators
- CO5** (Объект) - Object
- CO6** (Линия Участок) - Line Area
- CO7** (Формальные данные) - Formal data

Further breakdowns include:

- CO4** (Технические показатели) branches into **CO4** (Характеристика операции) - Operation characteristic and **CO4** (Характеристика объекта операции) - Object characteristic of the operation.
- CO5** (Объект) branches into **CO4** (Характеристика объекта операции) - Object characteristic of the operation.

Для построения адекватной семантики синтаксиса (а в ряде случаев и семантики морфологии) большой практический интерес представляют выявление и семантическая интерпретация отношений между отдельными блоками БД. Например, исследование внешней модели пользователя, отраженной в рассматриваемом фрагменте,

позволил для указанной БД установить следующие семантические отношения:

- С01:** Адресно-географическая локализация объекта;
- С02:** Темпоральная идентификация объекта;
- С03:** Финансово-экономическая идентификация объекта;
- С04:** Квалификационная идентификация объекта;
- С05:** Функциональная идентификация объекта;
- С06:** Технологическая локализация объекта;
- С07:** Информационно-документальная идентификация объекта.

Элемент любого блока внешней модели вступает в одно из указанных отношений с элементом блока «Единица оборудования». Это означает, что в семантической структуре, описывающей конструкции языка доступа к БД, наряду с другими элементами неизбежно должны присутствовать следующие семы: С1 — «Пространственный конкретизатор общий»; С2 — «Темпоральный конкретизатор»; С3 — «Экономический конкретизатор»; С4 — «Квалификатор»; С5 — «Функциональный конкретизатор»; С6 — «Пространственный конкретизатор местный»; С7 — «Информационный конкретизатор»; С8 — «Объект».

Сема С8 характеризует любой элемент блока «Единица оборудования», что отражает его главную роль на данном фрагменте действительности как объекта информационных интересов пользователя. По умолчанию в семантической структуре языка запросов к БД неизбежно наличествуют семы С9 — «Субъект»; С10 — «Адресат». Эти семы характеризуют семантическую структуру слов, выражающих понятия участников общения — человека и ЭВМ. В зависимости от перехода инициативы в диалоге «человек — машина» они меняются местами.

Предложенная номенклатура сем не претендует на универсальность и полноту, однако вполне согласуется с известными семантическими представлениями [3; 4; 8], отличаясь от них конкретной прагматической направленностью и возможностью расширения без нарушения уже введенных системных связей. Содержательная интерпретация отношений между элементами внешней модели («единица оборудования», «процесс», «объект») и связанными с ними элементами «технические характеристики» и т. п. позволяют установить в семантике языка запросов к БД предметную и признаковую группы отношений соответственно. В свою очередь, это позволяет предусмотреть на выбранном уровне абстракции наличие у слов-лексем языка запросов категориально-семантических значений «Предмет» и «Признак». Эти значения в сочетании со значениями индивидуально-лексическими (семы С1—С8) и общеграмматическими (указание на часть речи, к которой относится лексема) служат основой для преобразования слова-лексема в синтаксическую единицу, что впоследствии существенно облегчает семантический анализ входной фразы языка запросов.

Основными функциями, которые выполняют СУБД, являются включение, удаление, обновление, выборка [2]. В запросе поль-

зователя они должны быть однозначно распознаны и восприняты как указания к выполнению СУБД соответствующих действий (подключение соответствующих подпрограмм). Следовательно, в языке запросов необходимо предвидеть наличие слов процессуальной семантики, в семантическое представление которых входит сема «*Действие*». В случае эллиптической конструкции данная сема должна восстанавливаться. Выделение слов предметной и пропозитивной (процессуальной, признаковой семантики) указывает на возможность построения языка запросов к БД с предложениями аргументно-предикатной семантической структуры с ограниченным числом n -местных предикатов, которая лежит в основе любого естественного языка [5].

Релевантными для языка запросов являются следующие предикаты семантического класса «*Действие*»: «*Включение*» (П1); «*Удаление*» (П2); «*Обновление*» (П3); «*Выборка*» (П4). Непредикативные аргументы описываются минимальной конфигурацией сем « $\pm$ *Предметность*», « $\pm$ *Единичность*», « $\pm$ *Нарицательность*», в которую обязательно входит один из семантических признаков C1—C8.

Набор предикативных выражений, полученный на основе внешней модели данных, может воплотиться в конкретное предложение языка запросов только при наличии информации о грамматической категории предиката и его аргументов. Эту информацию (без лишней избыточности) удобно хранить в том же словаре, где хранятся распознаваемые системы слова. Следовательно, использование системного словаря позволяет ввести в предикативную структуру предложения языка запросов конкретные слова вместе с их характеристической информацией. Вероятно, справедливо мнение исследователей, выступающих против традиционного представления о предложении как результате лексического наполнения некоторой схемы [6; 7]. В нашем случае предложение естественного (квазиестественного) языка получает свою материальную оболочку в результате сопряжения слов различных семантико-грамматических классов. Именно адекватная и четкая дифференциация семантических и грамматических признаков позволяет осуществить мотивированный переход к поверхностным конструкциям, а выделение в результате описанной логики рассуждений кванторных значений и значений логических связок позволяет на поверхностном уровне порождать фразы языка запросов, имеющие структуру сложносочиненного (сложноподчиненного) предложений.

Таким образом, предложенный нами подход по созданию поверхностных структур, основанный на экспликации семантики отношений между данными, существенно облегчает построение транслятора, реализующего рассматриваемый интерфейс с БД. Широкое использование в трансляторе на этапе синтаксического анализа трансформационных правил значительно расширит изобразительные возможности языка запросов (наглядность, читабельность и неотличимость от естественного языка).

Список литературы: 1. Котов Р. Г., Якушин Б. В. Языки информационных систем. М., 1979. 303 с. 2. Дейт К. Введение в системы баз данных. М., 1980. 463 с. 3. Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 77—85. 4. Сусов И. П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка). Тула, 1983. 142 с. 5. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982. 169 с. 6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1974. 366 с. 7. Русская грамматика. М., 1982. 366 с. 8. Fillmor Ch. J. The Case for Case. — In: Universals in Linguistic Theory. N. Y. — L. — Toronto, 1968, p. 1—88.

Поступила в редколлегию 29.09.83.

Т. Ф. ЛОКШИНА

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМФАТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ DO+INF

Процессы десемантизации в синтаксисе вызывают развитие таких структур, в которых модально-экспрессивное значение нейтрализует исконное семантическое одного из компонентов, превращая его в формально-грамматическое средство интенсификации высказывания (do + inf, go and V, try and V, sure + inf, can't help + G, keep + G).

Если большинство лексических и синтаксических средств приобретает экспрессию в контексте в процессе своей актуализации (речевая экспрессия), то в структуре do + inf экспрессия составляет неотъемлемую часть ее семантики (языковая экспрессия). Структурный маркер «do» в данной конструкции содержит сему экспрессии на уровне парадигматики. Эмфатическая маркированная форма do + inf может быть бинарно противопоставлена неэмфатической немаркированной форме, образуя категорию экспрессивности, наличие которой признают многие лингвисты. Категория экспрессивности включает три противопоставленных формы: do ask—ask, does ask—asks, did ask—asked. В свою очередь, они могут выражать пять грамматических значений: Imperative Mood, Indicative Present Non—Continuous Non—Perfect, Indicative Present Non—Continuous Non—Perfect in the meaning of Future (in subclauses of time and condition), Indicative Past Non—Continuous Non—Perfect, Subjunctive Mood.

Экспрессивное значение определим методом идентификации [2], т. е. подберем соответствующий синоним, выражающий только логическое, интеллектуальное обозначение предмета/явления действительности. Контраст позволяет судить о наличии экспрессии и определить ее семный состав, ср.: Do be quiet! — Be quiet! В первом высказывании прежде всего воспринимается волевое содержание, а затем наступает логическое осмысливание, в то время как во втором высказывании на передний план выдвигается неусиленная предметно-логическая информация.